

6. Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). М., 2003. С. 7.
7. Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. С. 66.
8. Смирнов И.Н. Черемисы: Историко-этнографический очерк. Казань: Типография императорского университета, 1889. С. 17.
9. Насипов И.С. О марийских заимствованиях в татарском языке // Вестник ЧГУ. 2009. № 4. С. 248–254.
10. Чагин Г.Н. Этническая ситуация в Сылвенско-Иренском бассейне в XVII–XVIII веках (к проблеме формирования этнической карты Урала) // Вестн. Перм. ун-та: серия «История». 2013. № 2 (22). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-situatsiya-v-sylvensko-irenskom-basseyne-v-xvii-xviii-vekah-k-probleme-formirovaniya-etnicheskoj-karty-urala> (дата обращения: 29.10.2017).
11. Черных А.В., Голева Т.Г., Щукина Р.И. Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. Пермь: ОТ и ДО, 2013. 530 с.

ГРНТИ 02.41.41

УДК 101.1:316

А.Г. Иванов
(A.G. Ivanov)
ЛГТУ, Липецк

**ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ
В ЭПОХУ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
И МАССОВОЙ МЕДИАТИЗАЦИИ
THE PRACTICE OF CONSTRUCTING
AND BROADCASTING OF POLITICAL MYTHS IN THE ERA
OF SYMBOLIC POLITICS AND MASS MEDIATIZATION**

В статье рассмотрено место мифа в символической политике и мифотворческая деятельность элит в современную эпоху массовой медиатизации. На примере этиологических мифов (арийский миф и хазарский миф) показан механизм «работы» современного мифа. Автор полагает, что с развитием цифровых технологий и усложнением функционирования коммуникационного пространства механизм трансляции политического мифа начинает претерпевать некоторые трансформации. К таким трансформациям следует отнести переплетение ключевых для мифа дихотомий сакрального и профанного, ускорение процессов смены мифов или замены мифов контрмифами.

The article considers the place of myth in symbolic politics and mythmaking activities of elites in the modern era of mass mediatization. The mechanism of the

contemporary myth “work” is shown on the example of etiological myths (Aryan myth and Khazar myth). The author assumes that with the development of digital technologies and the complexity of the functioning of the communication space, the mechanism of broadcasting of political myth begins to undergo some transformations. These transformations include the interweaving of the key myth dichotomy – the sacred and the profane, the acceleration of the processes of changing myths, or the replacement of myths with counter-myths.

Ключевые слова: символическая политика, политический миф, этиологические мифы, механизм «работы» современного мифа, миф и контрмиф, массовая медиатизация.

Keywords: symbolic politics, political myth, the etiological myths, the mechanism of the contemporary myth “works”, myth and counter-myth, mass mediatization.

Когда «наука» разрушает «миф», то это значит только, что одна мифология борется с другой мифологией.

А.Ф. Лосев. Диалектика мифа

Практики конструирования политических мифов и в целом мифотворческие процессы во многом связаны со способностью извлекать выгоду из символического содержания социальной действительности, способностью заставить символы работать на мифотворцев, в качестве которых выступают, как правило, элиты.

Интерес к изучению проявлений символического в политике обусловлен работами М. Эдельмана [1, 2], который занимался исследованиями политики как символической формы, рассматривал влияние символических функций на элиту и массу, выделяя миф и ритуал в качестве двух символических форм, наполняющих политические институты содержанием, имеющим значение и влияющим на общественное сознание.

Несмотря на то, что символическое измерение политики остается в центре внимания широкого круга исследователей, как зарубежных (У. Сарцинелли, Т. Мейер, А. Дернер и др.), так и отечественных (С.П. Поцелуев, Д.А. Мисюров, К.В. Киселев и др.), вопросам концептуализации понятия «символическая политика» не всегда уделяется должное внимание. В настоящее время перспективным представляется следующее определение О.Ю. Малиновой: «Символическая политика – это деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве. Символическая политика является не противоположностью, а, скорее, специфическим аспектом “реальной” политики» [3, с. 23]. Важно в данном определении то, что автор не считает символическую политику противоположностью

реальной политики. Это обстоятельство позволяет рассматривать категорию символического в пространстве политики в качестве того, что, как и миф, оказывает реальное воздействие на общественную жизнь.

Вопрос о месте мифа в символической политике представляется достаточно актуальным, о чем свидетельствуют современные реалии политической жизни общества, в которых миф оказывается как важным инструментом формирования политической повестки и поддержания политического доминирования в целом, так и эффективным средством в собственно политической борьбе. Дополнительные векторы исследования мифологического измерения символической политики задают «трансформации современного коммуникативного пространства, стимулирующие особое внимание к процессу возникновения новых политических мифов и их «героических символов», существенно влияющих на эскалацию политических конфликтов» [4, с. 17].

При этом сегодня сложились два способа использования категории «миф» в символической политике, что связано с самим пониманием такого рода политики: «В работах приверженцев более узкой интерпретации символической политики как манипуляции символами “миф” по сути дела выступает как категория политической практики, указывающая на искусственный, симулятивный характер конструируемых знаков. Однако, будучи сфокусированным на действиях манипулирующих элит, данный подход упускает из виду фактор восприятия – то обстоятельство, что лишь сообщения, “прочитываемые” в качестве констатации чего-то “естественного и несомненного”, действительно являются мифами. В рамках узкого понимания символической политики восприятие мифа представляет интерес разве что в контексте оценки эффективности применяемых политических технологий. Более широкая интерпретация символической политики в полной мере сочетается с пониманием мифа как коммуникативного процесса, в котором участвуют не только мифотворцы, но и их аудитория. Он нацеливает на изучение как политических, так и семантических условий, при которых мифологическая конструкция может стать “линзой”, определяющей восприятие реальности» [5, с. 14].

Широкое понимание символической политики и места мифа в ней оказываются, таким образом, невозможными без апеллирования не только к мифотворцам, но и к таким «субъектам мифа», как «мифичные» (для «мифичного» миф является безусловной реальностью, неотъемлемой частью его картины мира; «мифичный» живет мифом).

При этом в деятельности мифотворцев следует выделить символическую политику в смысле politics (сюда можно отнести достаточно широкий круг акторов – от оппозиционных средств массовой информации до профессиональных историков) и символическую политику в смысле policy, при производстве которой в полной мере используются властные ресурсы, а сама такого рода политика представляется в значительной мере институционализированной (государство, политические партии, церковь и т. п.).

Преимущество использования символической власти и символической политики состоит в особом доступе к публичному дискурсу и контролю над ним: «Контроль над публичным дискурсом – это контроль над сознанием аудитории, а значит, косвенно, над тем, что желает или делает аудитория» [6, с. 32].

В какой-то момент символическая политика институционализируется. Примерно то же самое происходит и с политическими мифами: в определенный момент времени они обретают конкретные очертания, представая в виде слоганов, лозунгов, символов, имен, брендов и так далее. То есть элиты и ассоциирующиеся с ними символы постепенно отождествляются, что в дальнейшем позволяет элитам более грамотно транслировать различные политические мифы.

Механизм трансляции политических мифов практически совпадает с механизмом «работы» социального мифа, который можно представить в виде последовательности: (1) мифотворческая деятельность элит → (2) использование социального мифа как инструмента реализации властных функций → (3) учет социального контекста → (4) применение социального мифа в качестве призыва и руководства к действию → (5) тиражирование социальных мифов в виде шаблонов → (6) функционирование социальных мифов → (7) конкуренция социальных мифов / конкуренция мифотворцев (элит) → (1) появление новых мифотворцев (новой элиты) [7, с. 7].

Для демонстрации того, как политические мифы воздействуют на развитие социума, придают новый смысл событиям, разворачивающимся в политическом пространстве, и при этом вписываются в вышеуказанный механизм работы мифа, приведем примеры таких мифов, как арийский и хазарский. На наш взгляд, и арийский, и хазарский мифы относятся к этиологическим политическим мифам. Важно отметить, что история развития арийского и хазарского мифов в России была серьезно проработана и подробно изучена В.А. Шнирельманом [8, 9, 10]. Но самое главное, что дискуссии вокруг этих этиологических политических мифов приобретают все большую

остроту в условиях массовой медиатизации общества и роста популярности концепта «символическая политика».

Прежде всего стоит заметить, что и арийский миф, и миф о хазарах являются продуктами мифотворческой деятельности элит, о чем свидетельствует их относительно недавняя актуализация и широкий диапазон функционирования. На протяжении непродолжительного по историческим меркам времени происходили противоречивые вещи. Имело место как практическое забвение данных этиологических мифов (в периоды доминирования других мифов и во время, когда отсутствовала необходимость в апеллировании к данным мифологическим сюжетам), так и активная работа по переосмыслению такого рода мифов для дальнейшего их использования в определенных политических целях.

В качестве инструмента реализации властных функций и амбиций арийский миф, например, использовался политической элитой для легитимации автохтонности нации, выступая как дополнительный фактор при предъявлении претензий на определенные территории.

При этом история одного и того же политического мифа демонстрирует нам, что социальный контекст мог учитываться для решения совершенно разных задач: «если колонизаторам арийский миф был нужен для оправдания процесса колониализма как «цивилизаторской миссии», направленной на просвещение «варваров», то местные противники колониализма и активисты национально-освободительного движения тоже прибегали к его помощи, но использовали его в совершенно ином ключе» [10, с. 301–302].

Далее, когда политический миф оказывается уже в достаточно полной мере встроено в контекст событий, он может применяться для мобилизации народа. Особенно отчетливо это видно в случае с этиологическими мифами, когда они используются как маркеры, придают динамику политическим процессам национального строительства. Так, с учетом социально-политического контекста, факт существования Хазарского каганата выступает как важное дополнение при создании самых разнообразных мифов: от претензионных русских националистических мифов до приближающихся к статусу «глобальных», этиологических мифов, например, мифа о происхождении русского народа. Тиражирование мифов происходит гораздо более интенсивно, если они приобретают форму шаблонов, чему в настоящее время способствуют средства массовой коммуникации. Арийские мифы, например, шагнули далеко за пределы философско-политических трактатов, и в настоящее время разнообразные версии такого рода мифов можно найти в массовой культуре.

Безусловно, дополнительный вес и значимость функционированию мифов придают социальные институты, используя соответствующие «мифогенные факторы» (например, государство через идеологию). В случае с арийским мифом, конечно, следует привести ужасающий пример с идеологией германского национализма. Скорое поражение нацистской политической элиты демонстрирует нам также и неспособность арийского мифа выдерживать конкуренцию в конкретных исторических условиях.

Можно сказать, что политический миф есть феномен, имманентный социальному бытию, и с приходом к власти новой элиты начинается и новый цикл функционирования политического мифа в обществе. И здесь важным представляется вопрос о степени укорененности политического мифа, относящегося к определенному циклу, в общественном сознании, в политической культуре. Ведь, с одной стороны, один и тот же комплекс сюжетов может облекаться в формы мифа и оставаться востребованным в политической практике достаточно долгое время, особенно если были задействованы архетипические сюжеты, например, мифологемы героя. С другой стороны, возможны попытки разоблачения политических и иных мифов. В частности, В.Р. Мединский [11] на примере отечественной истории наглядно продемонстрировал, как нужно разоблачать мифы о России, возможно, создавая при этом новые мифы или контрмифы.

Следует также заметить, что в начале XXI века процесс нашего знакомства с историей стал почти полностью медиатизированным. Медиа в форме печати, телевидения, кино, фотографии, радио, Интернета – основные источники для записи, создания, архивирования и распространения публичных и частных историй. Они обеспечивают наиболее удобный доступ к информации как недавнего прошлого, так и более отдаленного, когда соответствующих медиа-средств еще не существовало. Кажется, мы не в состоянии понять прошлое без его медиа-версий. Весь XX век демонстрирует нам, что средства массовой информации и исторические события практически неразделимы [12, с. 1]. В последнее время с развитием цифровых технологий и усложнением функционирования коммуникационного пространства механизм трансляции политического мифа, оставаясь в целом таким же, что и в XX веке, начинает, тем не менее, претерпевать некоторые трансформации. Прежде всего, необходимо заметить, что стремительное развитие коммуникационного пространства оказало решающее влияние на такое существенное и чувствительное мифологическое отношение как дихотомия «сакральное – профанное», впрочем,

равно как и на дихотомии «мы – они», «свой – чужой», «герой – злодей»: они стали «переплетаться» [13]. Кроме того, такого рода «переплетение» приводит к ситуациям, когда один миф сменяет другой (или контрмиф сменяет миф) с калейдоскопической быстротой. При этом наблюдаемое усложнение традиционных и появление новых форм масс-медиа согласуются с известным тезисом Р. Барта о бесконечной суггестивности мира [14].

Анализ трансляции политических мифов в эпоху символической политики и массовой медиатизации только подчеркивает значимость для развития общества понимания механизмов и процессов мифотворчества, тем более что сегодня тема деятельности мифотворцев все еще остается одной из центральных при разговоре о современном политическом мифе.

Библиографический список

1. Edelman M. *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana: University of Illinois Press, 1964. 201 Pp.
2. Edelman M. *Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence*. Chicago: Markham Publishing Company, 1971. 188 Pp.
3. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
4. Завершинский К.Ф. Политический миф в структуре современной символической политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2015. Вып. 2. С. 16–25.
5. Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики // Символическая политика: сб. науч. трудов / ред. кол.: О.Ю. Малинова, гл. ред. [и др.]. Вып. 3. Политические функции мифов. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 5–24.
6. Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
7. Иванов А.Г. Механизм воздействия мифов на развитие общества // Вестник Волгоградского университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 2 (32). С. 6–14. URL: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.2.1> (дата обращения: 15.01.2019).
8. Шнирельман В.А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.: Иерусалим, Мосты культуры, Гешарим. 2012. 312 с.

9. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире / В.А. Шнирельман. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 536 с.
10. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире / В.А. Шнирельман. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 440 с.
11. Мединский В.Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 704 с.
12. Garde-Hansen J. Media and Memory. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd., 2011. 174 Pp.
13. Иванов А.Г. Мы и они: механизм трансляции социального мифа в медиа-среде // История: электронный научно-образовательный журнал. 2018. Т. 9. Выпуск 6 (70). URL: <http://history.jes.su/s207987840002261-6-1>.
14. Барт Р. Мифологии: пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 320 с.

ГРНТИ 14.35.09
УДК 316.334

Т.Б. Багирова
(Т.В. Bagirova)
УрФУ им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
С.Н. Каташинских
(S.N. Katashinskih)
УГЛТУ, Екатеринбург

**СПЕЦИФИКА ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ
В ВУЗЕ
SPECIFICITY OF TEACHING
IN DISTANCE FORM IN UNIVERSITY**

В статье рассмотрены особенности обучения через электронные носители. Произведен сравнительный анализ деятельности личности преподавателя и робота-преподавателя. Исследуются причины появления дистанционной формы обучения.

The article describes the features of teaching through electronic media. A comparative analysis of activities of individual teacher and robot-teacher is made. The reasons for the emergence of distance learning are investigated.